Книга восемнадцатая

Андрей и тайна Луми

Денис Федотов

Денис Федотов

Андрей и тайна Луми

«Автор»
2026

Федотов Д.

Андрей и тайна Луми / Д. Федотов — «Автор», 2026

Андрей замечает, что его друг Луми меняется: всё чаще спит, почти не разговаривает и становится обжигающе горячим. Разгадка оказывается удивительной и пугающей: маленький светлячок родился не для того, чтобы навсегда оставаться светлячком, — ему предстоит стать настоящей звездой. Но для этого Луми должен покинуть Землю. Андрею придётся научиться принимать перемены, не прятаться от правды и понять, что настоящая дружба — это не удерживать рядом, а помогать расти.

© Федотов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Луми тяжелеет 5
Глава 2. То, о чём не говорят 7
Глава 3. Тёма 9
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Денис Федотов
Андрей и тайна Луми

Глава 1. Луми тяжелеет

Первым это заметило плечо.

Андрей шёл из школы через двор, по апрельским лужам, в которых плавали облака, и Луми, как всегда, сидел у него на плече под капюшоном куртки. И Андрей вдруг почувствовал, что плечо устало. Не сильно. Чуть-чуть. Так устаёт рука, если долго нести пакет с яблоками.

Он остановился посреди двора.

— Луми, — сказал он. — Ты что, поправился?

Раньше Луми на такое обиделся бы. Раньше он бы засверкал всеми цветами сразу, взлетел бы, затараторил, что светлячки не поправляются, что это у кого-то тут плечи слабые, что вот на Луминесе даже самые маленькие дети носят на плечах по три светлячка и не жалуются. Луми вообще любил поговорить. Мама говорила, что Луми может переговорить радио.

Но Луми ничего не сказал. Он только мигнул, тускло и сонно, и сильнее прижался к Андрееву воротнику.

Андрей подумал, что Луми просто устал. Весна. Все устают весной. Андрей и сам устал. Девятый класс, экзамены на носу, Вера Павловна задала доклад про переменные звёзды, а по алгебре так и висела тройка, которую Тиш почему-то находил ужасно смешной. Андрей пожал плечами, отчего Луми чуть не свалился, и пошёл домой.

Но дома всё стало только страннее.

Луми всегда жил на люстре. Это было его место ещё с тех пор, как он поселился у Андрея. С люстры было видно всю комнату, и окно, и дверь, и можно было вовремя притвориться лампочкой, если кто-нибудь войдёт. Обычно Луми не сидел там подолгу. Он летал по комнате, совал свой свет в Андреевы учебники, читал через плечо, комментировал, спорил с телевизором на кухне и считал своим долгом проверить каждую кастрюлю, которую мама ставила на плиту.

А теперь он сидел на люстре и спал.

Спал весь вечер. И всю ночь. И утром, когда Андрей собирался в школу, тоже спал. Андрей тихонько позвал его. Луми не отозвался. Только свет у него внутри чуть-чуть дрогнул, как дрожит пламя свечи, когда рядом закрывают дверь.

— Ладно, — шёпотом сказал Андрей. — Спи. Я после школы.

В школе он весь день думал о Луми. На химии перепутал пробирки. На физкультуре пропустил мяч, который летел прямо ему в руки. Соня на перемене спросила, что с ним такое, и Андрей сказал: «Ничего, не выспался». Это была почти правда. Он и правда не выспался. Он полночи смотрел на люстру.

А через неделю случилось то, что потом Андрей вспоминал с холодком в животе.

Он проснулся ночью от запаха. Странного, резкого, знакомого. Так пахнет, когда мама случайно оставляет утюг на рубашке. Андрей сел на кровати и увидел, что в комнате светло. Не как днём. А как бывает, когда на улице горит костёр и отблески пляшут на потолке. Только костёр горел не на улице.

Луми сидел не на люстре. Он сидел на подоконнике, прижавшись к занавеске. И светился. Так ярко и так жарко, что от занавески шёл дымок. Тонкий, серый, кудрявый.

— Луми!

Андрей вскочил, схватил стакан с водой, который всегда стоял у кровати, и… остановился. Нельзя же поливать Луми водой. Он же не костёр. Он друг. Андрей бросил стакан на

кровать, схватил Луми двумя руками, как хватают горячую картошку из костра, и тут же отдёрнул руки. Луми был горячим. По-настоящему горячим. Никогда в жизни он таким не был. Он всегда был тёплым, как кружка чая, которую держишь зимой. А сейчас обжигал.

Но от Андреева вскрика Луми проснулся. Мигнул. И свет у него сразу стал тише. И жар ушёл, так же быстро, как пришёл. Через минуту на подоконнике сидел обыкновенный Луми, тёплый и сонный, и растерянно хлопал своим светом, как хлопают глазами, когда не понимают, где находятся.

— Что… — сказал Луми. Голос у него был странный. Хриплый и как будто чужой. — Что… было?

— Ты чуть занавеску не поджёг, — сказал Андрей. У него дрожали руки. На ладонях было два красных пятнышка, как от крапивы. — Луми, что с тобой?

Луми помолчал. А потом сказал то, что напугало Андрея больше дыма:

— Не… знаю.

И снова уснул. Прямо на подоконнике. Тихо-тихо светясь, как ночник.

Андрей долго сидел рядом. Смотрел на занавеску. На ней теперь было тёмное пятно с кулак величиной, а посередине маленькая дырочка, через которую была видна звезда. Андрей осторожно отодвинул занавеску, чтобы она больше не касалась Луми. Потом подумал и переложил Луми на старое папино лётное полотенце, сложенное вчетверо, на письменном столе. Подальше от всего, что может гореть.

Утром мама увидела занавеску.

— Андрей, — сказала она очень спокойно. Так спокойно мама говорила, только когда была очень встревожена. — Это что?

— Лампа, — сказал Андрей. — Настольная. Я поставил её слишком близко и уснул.

Это была неправда. Андрей и сам не знал, почему соврал. Мама знала про Луми. Мама давно знала про всё. Но слова сами выскочили изо рта, и Андрей уже не мог их поймать. Мама посмотрела на него. Потом на настольную лампу, которая стояла на другом конце стола и даже не была включена в розетку. Потом снова на Андрея.

И ничего не сказала. Только сняла занавеску и унесла.

А Андрей остался стоять посреди комнаты, с красными пятнышками на ладонях, и чувствовал себя так, будто это не занавеска, а он сам прожжён насквозь, и через дырочку видно, что внутри.

Глава 2. То, о чём не говорят

За следующие две недели Андрей стал настоящим специалистом по болезням.

Он не говорил об этом никому. Он просто стал оставаться после уроков в школьной библиотеке, где старенькая библиотекарша Нина Петровна смотрела на него поверх очков с огромным уважением, потому что раньше Андрей заходил к ней только за учебниками. А теперь он брал всё. Справочник по астрономии. Энциклопедию «Звёзды и планеты». Толстую книгу «Жизнь звёзд», в которой было больше формул, чем слов. И даже, на всякий случай, «Домашний медицинский справочник», в котором было написано, что делать при ожогах и при высокой температуре.

В «Домашнем медицинском справочнике» не было ничего про светлячков с Луминеса. Андрей проверил. Два раза.

В «Жизни звёзд» было много про то, как звёзды рождаются, горят и умирают. Андрей читал это, и ему становилось только хуже. Потому что он помнил Алу. Он помнил, как она становилась всё больше и всё краснее. Как Ора сказала, что это значит, что конец уже близко. Андрей захлопнул книгу, и Нина Петровна вздрогнула.

Дома он пробовал спрашивать самого Луми.

Но Луми почти всё время спал. А когда просыпался, говорил мало и как-то странно. Будто слова стали для него тяжёлыми, как мокрые валенки, и он еле-еле их передвигал.

— Луми, у тебя что-нибудь болит?

— Нет.

— А почему ты спишь?

— Не… знаю. Хочется.

— А почему ты такой горячий бываешь?

Луми долго молчал. Потом мигнул. Но не так, как мигал обычно. Не три раза, «всё правильно». Не один раз, «да». А как-то по-новому. Долго, медленно, переливаясь. Сначала тёплый жёлтый свет, потом белый, потом чуть-чуть голубой. Как будто это был не ответ, а целое предложение. Только на языке, которого Андрей не знал.

— Я не понимаю, — сказал Андрей беспомощно.

— Я… тоже, — сказал Луми. И уснул.

А ещё Андрей заметил, что Луми стал тяжелее. Теперь это было не просто «плечо устало». Теперь Андрей мог это взвесить. В прямом смысле. Однажды вечером, когда мама с папой ушли в гости, он достал из кухонного шкафчика мамины электронные весы, на которых она взвешивала муку для пирогов, и осторожно посадил на них спящего Луми.

Весы показали ноль.

Андрей нахмурился. Потом подумал и положил на весы чайную ложку. Весы показали двенадцать граммов. Тогда Андрей посадил Луми на ложку. Весы показали двенадцать граммов. Луми ничего не весил. Совсем. Как и положено свету.

Но плечо-то чувствовало! Андрей сидел над весами и ничего не понимал. Как может весить что-то, что ничего не весит?

«Не на весах, — подумал он потом, уже в кровати. — Не на весах тяжелеет. А где-то ещё».

Он не знал где. И от этого было ещё страшнее.

Соня, конечно, замечала. Соня замечала всё, это было её главное свойство с самого первого дня в кружке. Она замечала, что Андрей перестал ходить с ней после уроков к Вере Павловне. Что он сидит в библиотеке и прячет обложки книг. Что Луми больше не сидит у него на плече в школе, хотя раньше сидел каждый день под капюшоном и иногда шептал Андрею ответы на контрольной по географии.

— Где Луми? — спросила она однажды на большой перемене. Прямо. В лоб. Как она умела.

— Дома, — сказал Андрей.

— Почему?

— Устал.

— Луми никогда не устаёт, — сказала Соня. — Он светлячок. Он сам говорил, что светлячки на Луминесе вообще не спят, а просто иногда светятся потише.

— Значит, решил попробовать, — сказал Андрей и сам удивился, каким противным голосом это сказал. Будто огрызнулся.

Соня посмотрела на него долгим взглядом. Таким, каким она смотрела в телескоп, когда хотела разглядеть что-то очень слабое и далёкое. А потом сказала:

— Ладно.

И ушла. И Андрей понял, что она не поверила. Ни одному слову.

Он мог бы её догнать. Он даже сделал шаг. Но остановился. Потому что внутри у него сидела одна мысль, маленькая и холодная, как льдинка за шиворотом. Если сказать вслух, что Луми болен, это станет правдой. А пока не говоришь, можно ещё думать, что ничего нет. Что Луми просто устал. Что весной все устают. Что всё как-нибудь само.

Андрей знал, что эта мысль глупая. Он знал это лучше всех. Он сам говорил Тишу, что прятаться от страха под одеялом нельзя. Он сам учил целую галактику не бояться правды. А теперь стоял в школьном коридоре, у того самого подоконника, где когда-то сидела Соня с книжками про звёзды, и прятался.

Вечером, когда Андрей пришёл домой, Луми проснулся. Ненадолго. Он подлетел к Андрею, очень медленно и низко, как летает уставший шмель. Сел ему на ладонь. И сказал, с трудом подбирая каждое слово:

— Ты… грустный.

— Нет, — сказал Андрей. — Я нормальный.

Луми помолчал. Потом мигнул три раза.

Но это было не «всё правильно». Андрей вдруг это понял. Это было «я знаю, что ты врёшь, и всё равно тебя люблю». Он не знал, откуда понял. Просто понял. Иногда свет говорит больше слов.

Андрей посадил Луми на полотенце, на письменный стол, и долго сидел рядом в темноте. А потом открыл свою новую тетрадку, ту, которую купил после пятнадцатого дня рождения, когда старая кончилась. И на первой странице написал одно слово:

«ПОЧЕМУ?»

И больше ничего.

Глава 3. Тёма

По пятницам у Веры Павловны были открытые вечера.

Это придумала она сама после затмения, когда в кружок вдруг начали проситься все подряд: и малыши из началки, и чьи-то бабушки, и папы, которые в детстве мечтали стать космонавтами, а стали инженерами и бухгалтерами. Вера Павловна сказала, что раз уж небо одно на всех, то и вечер пусть будет для всех. Раз в неделю она открывала дверь кабинета физики, ставила на подоконник старый школьный телескоп, на стол — электрический чайник и пачку печенья, и рассказывала про звёзды любому, кто зайдёт.

Андрей приходил помогать. Он настраивал телескоп, показывал, куда смотреть, и отвечал на вопросы, на которые Вера Павловна отвечала сама, но ей нравилось, когда отвечает Андрей. Она говорила, что так ответы лучше запоминаются, потому что их говорит не учительница, а почти такой же человек, как ты.

В ту пятницу Андрей пришёл без Луми. Луми спал дома на полотенце, и Андрей перед уходом долго стоял над ним, не решаясь уйти, а потом всё-таки пошёл, потому что обещал.

В кабинете было шумно. Пахло чаем и мокрыми куртками. Две бабушки спорили, видно ли сегодня Венеру. Чей-то папа пытался заглянуть в телескоп, не снимая очков. А на первой парте, болтая ногами, сидел мальчик лет шести в огромной вязаной шапке с помпоном и смотрел на плакат с Солнечной системой так, будто собирался его съесть.

Андрей узнал его не сразу. А потом узнал и улыбнулся в первый раз за много дней.

Это был тот самый мальчик из песочницы. Тот, который в день затмения стоял посреди двора, держал за руку незнакомую тётю и громко, на весь двор, считал до ста семнадцати, пока Солнце пряталось за Луну. Тогда он был совсем маленький и считал с ошибками: после сорока девяти у него шло сорок десять. Но досчитал. И когда Солнце вернулось, он закричал «Я же говорил!», хотя ничего такого не говорил.

— Привет, — сказал Андрей и присел на корточки возле парты. — Я тебя помню. Ты считал.

Мальчик посмотрел на него очень серьёзно.

— Я Тёма, — сказал он. — Мне шесть. Я теперь до тысячи умею. Хочешь, посчитаю?

— Давай потом, — сказал Андрей. — А то мы до утра тут сидеть будем.

Тёма подумал и согласился, что до утра — это долго.

Привела его старшая сестра, Катя, высокая девочка из седьмого класса, которая сидела у окна с телефоном и делала вид, что ей совсем не интересно. Катя сказала, что Тёма ей всю зиму покоя не давал. Он каждый вечер спрашивал, куда делось Солнце тогда, во дворе, и кто его вернул обратно, и можно ли сделать так, чтобы оно опять ушло, только ненадолго. А когда узнал, что в школе есть кружок, где про это рассказывают, то лёг на пол в коридоре и сказал, что не встанет, пока его туда не отведут.

— Он упрямый, — сказала Катя.

— Я не упрямый, — сказал Тёма. — Я настойчивый. Так папа говорит.

Вера Павловна засмеялась. Андрей тоже. Ему стало немножко легче. Будто кто-то открыл форточку в душной комнате.

А потом пришёл Витька.

Витька теперь ходил на открытые вечера каждую пятницу. Сначала он говорил, что приходит из-за печенья. Потом говорил, что из-за Веры Павловны, потому что ей нужен кто-то, кто разбирается в технике. А потом перестал объяснять и просто приходил. С тех пор как его видео затмения показали по новостям, а его фотография Треугольника висела у Веры Павловны над доской в рамочке, Витька стал относиться к небу почти с нежностью. Хотя, конечно, никогда бы в этом не признался.

Сегодня Витька пришёл с огромным рулоном под мышкой.
— Расступитесь, — сказал он. — Несу искусство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.